

ЗАЩИТА ОТ ИНОСТРАННОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА: ДВУХУРОВНЕВАЯ ЛОГИКА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ БРИТАНИИ

Кира ГОДОВАНЮК
Институт Европы РАН

Аннотация: В статье исследуются особенности стратегического подхода Соединенного Королевства к политике в отношении России и Китая через призму восприятия британским истеблишментом угроз национальной безопасности. Отталкиваясь от теоретической рамки «смешанного реализма» (англ. *"intermestic realism"*), автор анализирует влияние внутриполитического дискурса на постановку стратегических задач во внешней политике и наоборот. Запрос на защиту демократических процессов, вызванный представлениями об угрозах со стороны авторитарных режимов, а также акцент на противодействии государственным акторам обусловили появление новых нарративов в Великобритании. Эти нарративы воздействуют на лиц, принимающих решения в сфере внешней политики, и сохраняют потенциал влиять на стратегическую культуру вне зависимости от партийной принадлежности британского Кабинета. В российско-британских и британо-китайских отношениях проявляются две тенденции, связанные с обвинениями в злонамеренных вмешательствах, кампаниях по дезинформации и попытках иностранного влияния не только на электоральные и демократические процессы, но и общественное мнение, и, следовательно, на магистральный внутриполитический дискурс. В ответ на эти вызовы формируются новые правоприменительные практики, которые, с одной стороны, предоставляют возможности для маневра в политическом планировании, а с другой – ограничивают политику на российском и китайском направлениях заявлениями об угрозах, создавая долгосрочные тренды на жесткую линию в отношении Москвы и все менее гибкий подход в отношении Пекина.

Ключевые слова: Соединенное Королевство, внешняя политика, защита демократии, авторитарные режимы, злонамеренное влияние, вмешательства, национальная безопасность, Россия, Китай, Гонконг, кибератаки

Кира Анатольевна Годованюк – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра британских исследований, Отдел страновых исследований, Институт Европы РАН.
ORCID: 0000-0002-5205-0021. E-mail: kira.godovanyuk@gmail.com
125009, Москва, ул. Моховая, д.11, стр. 3.

Поступила в редакцию: 02.09.2024

Принята к публикации: 26.09.2024

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития №075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

Взаимозависимость внутренней и внешней политики государства – важный параметр большинства теоретических подходов к изучению международных отношений. На концептуальном уровне связь двух явлений, в том числе через глобализацию, впервые обосновали представители либеральной мысли (Rosenau, 1969). Позднее реалистская/неореалистская школы предложили концепцию «смешанного реализма» (англ. *"intermestic realism"*) (Manning, 1977), которая описывает конвергенцию внешней и внутренней политики. В таких исследованиях обычно акцентируется то, как внешнеполитические процессы отражаются во внутренней политике и общественном мнении, которое, в свою очередь, влияет на процесс принятия решений.

Сквозь призму реализма комплекс внутренней и внешней политики (англ. *"intermestic politics"*) можно также рассматривать в контексте обеспечения безопасности или борьбы за власть. Исследователь транснационализма Р. Патнэм (Putnam, 1988) описывал связь внутренней и внешней политики как двухуровневую игру, в которой правительство под влиянием внутренних групп давления стремится обеспечить безопасность внутри страны, одновременно пытаясь минимизировать негативные международные последствия. Исходя из этой логики, можно предположить двухуровневое влияние международной повестки на выработку внешнеполитических решений. Таким образом, политический истеблишмент под воздействием мировых трендов формирует представления об угрозах внутри страны и через специальные механизмы противодействия поощряет определенные установки, которые влияют на культуру внешнеполитического планирования, внутриполитическую борьбу и международную повестку.

В последние годы в британском дискурсе, как и в стратегии коллективного Запада, превалирует тезис о разделении игроков мировой политики на демократические и авторитарные режимы¹ (Алешин, 2023). Продвижение прав человека, поддержка гражданского общества и реформ государственного аппарата в странах Содружества наций, постсоветского пространства, Африки и Юго-Восточной Азии остаются приоритетом для Лондона, что провоцирует обвинения во вмешательствах во внутренние дела этих государств. Постепенно дискурс о глобальной «рецессии демократии» (Matlosa, 2023) трансформировался в задачу Великобритании и союзников противодействовать вмешательству со стороны «авторитарных режимов»². Это нашло отражение в исследованиях, посвященных терминологическим спорам (Истомин, 2023; Fridman, 2024), в том числе в контексте межгосударственного противоборства (Сучков, 2024).

¹ См., например: *HM Government* (2023) Integrated Review Refresh 2023: Responding to a more contested and volatile world. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1145586/11857435_NS_IR_Refresh_2023_Supply_AllPages_Revision_7_WEB_PDF.pdf (accessed 25 September 2024).

² *Foreign Policy Centre* (2022) The thin end of the wedge: The UK and escalating global authoritarianism, 18 August. Available at: <https://fpc.org.uk/the-thin-end-of-the-wedge-the-uk-and-escalating-global-authoritarianism/> (accessed 1 July 2024).

В Британии дискуссии относительно «рецессии демократии» развиваются по нескольким направлениям. С одной стороны, речь идет об эрозии демократических традиций³ (Baldini, 2015), а с другой – о необходимости адаптации к современным вызовам⁴, связанным с высоким риском вмешательства со стороны «злонамеренных акторов».

Оставляя за скобками академические споры о дефинициях «вмешательства» и «злонамеренного влияния», настоящая статья ставит своей целью анализ британских нарративов в 14-летний период нахождения у власти Консервативной партии (2010–2024 гг.). Внимание уделено мерам противодействия внутриполитическим угрозам со стороны так называемых авторитарных государств (на примере РФ и КНР), а также выявлению практик защиты политических и электоральных процессов от иностранного вмешательства. Кроме того, исследуется степень влияния указанных угроз на формирование внешнеполитической стратегии Лондона.

Россия: дискурс о «хронических» вмешательствах

Долгое время в Британии квалификация угроз со стороны иностранных государств ограничивалась шпионажем и попытками влиять на общественно-политические организации, в том числе британские партии или профсоюзные организации, особенно во время холодной войны. Меры противодействия этим угрозам регулировались редакциями закона «О государственной тайне» (англ. *"Official Secrets Act"*) 1911 г., 1920 г., 1939 г. и 1989 г. В 2000 г. был принят закон «О политических партиях, выборах и референдумах» (англ. *"Political Parties, Elections and Referendums Act"*), который ввел запрет на финансирование британских партий и избирательных кампаний из-за рубежа.

За последнее десятилетие в восприятии британских политических элит закрепились оценки России как угрозы национальной безопасности страны (Британия после брекзита, 2021: 145–162). Однако предпосылки для этого возникли еще в начале 2000-х гг., когда российско-британские отношения начали ухудшаться (Годованюк, 2022). Причинами этого стали не только противоположные взгляды на систему европейской безопасности, но и критика Лондоном российской внутриполитической системы. На этом фоне усилились обвинения в адрес России в попытках оказывать влияние на британские политические партии через диаспоры и личные связи натурализованных подданных Соединенного Королевства с русскими корнями.

³ См. например, дебаты в Палате общин: *UK Parliament* (2024) Social Cohesion and Democratic Resilience: Khan Review. Vol. 749, debated on Tuesday 30 April. Available at: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2024-04-30/debates/E4FD6B16-739F-4FBD-AA60-F78D0393C9E1/SocialCohesionAndDemocraticResilienceKhanReview> (accessed 22 September 2024).

⁴ James T.S. (2023) UK Democracy Under Strain: Democratic Backsliding and Strengthening 2019–2023. *Unlock Democracy*. Available at: https://static1.squarespace.com/static/5bd057c434c4e2d8eb0434e6/t/6492f224295cc1115f5bad6f/1687351856614/backsliding_report_digital_v1.pdf (accessed 1 July 2024).

Несмотря на то, что российские механизмы «мягкой силы», особенно ее культурно-гуманитарные аспекты, длительное время не воспринимались как угроза, с середины 2000-х гг. начали вызывать опасения неформальные связи между британскими политиками и гражданами РФ. Российская диаспора в Британии, численность которой составляет около 50 тыс. человек (по данным переписи населения 2021 г.⁵), относительно монолитна. Она преимущественно состоит из бизнесменов, студентов и политических эмигрантов с особой позицией по отношению к политическим процессам в России.

С начала 2010-х гг. Консервативная партия Великобритании неоднократно становилась объектом критики за связи с «прокремлевскими» олигархами. Например, британские СМИ обнародовали компрометирующую информацию о том, что в 2013 г. российские бизнесмены делали пожертвования на ежегодном благотворительном вечере Консервативной партии⁶. Регулярно появлялись сообщения о личных связях представителей российского бизнеса с членами Палаты общин, Палаты лордов, а также с партийной верхушкой тори. В 2014 г. широкую огласку получили мероприятия по сбору средств, в ходе которых российские бизнесмены вносили пожертвования в партийную кассу в обмен на возможность сыграть в теннис с премьер-министром Д. Кэмероном (2010–2016 гг.) и мэром Лондона Б. Джонсоном (2008–2016 гг.)⁷. Особый резонанс вызвало назначение в 2021 г. Е. Лебедева⁸, владельца изданий *The Independent* и *Evening Standard*, членом верхней неизбираемой палаты британского парламента⁹. Его близкая дружба с Б. Джонсоном стала поводом для критики в британских СМИ.

Примечательно, что с 2014 г. важным элементом электоральной стратегии Консервативной партии стала тематика «русской угрозы», которая использовалась преимущественно для нейтрализации политических оппонентов. Обвинения в адрес Москвы во «вмешательстве» в британскую политику стали мейнстримом в 2016 г., накануне референдума о членстве Великобритании в Европейском союзе. Например, приобрел популярность лозунг Д. Кэмерона о том, что «победа сторонников выхода из ЕС» будет соответствовать «только интересам В. Путина и лидера ИГИЛ*»¹⁰. Сенсационные

⁵ Statista (2024) Number of Russian nationals resident in the United Kingdom from 2008 to 2021. Available at: <https://www.statista.com/statistics/1252978/russian-population-in-united-kingdom/> (accessed 20 July 2024).

⁶ *The Guardian* (2014) Tory summer party drew super-rich supporters with total wealth of £11bn. 3 July. Available at: <https://www.theguardian.com/politics/2014/jul/01/-sp-tory-summer-party-drew-super-rich-supporters-with-total-wealth-of-11bn> (accessed 20 July 2014).

⁷ *The Guardian* (2014) Boris Johnson may pull out of tennis match with Russian ex-minister's wife. 23 July. Available at: <https://www.theguardian.com/politics/2014/jul/23/boris-johnson-tennis-match-russian-cherukhin> (accessed 23 November 2024).

⁸ Е. Лебедев стал пожизненным пэром с полным титулом «барон из Хэмптона в лондонском районе Ричмонд-на-Темзе и Сибири в Российской Федерации».

⁹ *House of Commons Library* (2022) Advice relating to the appointment of Lord Lebedev. Available at: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cdp-2022-0075/> (accessed 23 November 2024).

* Запрещенная в России террористическая организация.

¹⁰ *Independent* (2016) EU referendum: David Cameron says Isis and Vladimir Putin 'might be happy' with Brexit. 27 May. Available at: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/eu-referendum-david-cameron-isis-putin-brexit-it-a7033741.html> (accessed 23 November 2024).

результаты референдума инициировали вопрос о противодействии российскому влиянию, что в свою очередь способствовало дискуссиям о политической легитимности брексита.

Во-первых, спекуляции о том, что «российские хакеры повлияли на исход референдума», вписывались в нарратив западных стран о вмешательстве России в демократические процессы. Эти дискуссии активно развивались на фоне обвинений в адрес России во вмешательстве в выборы США в 2016 г., что способствовало закреплению образа РФ как угрозы западной демократии. Во-вторых, внутриполитические дебаты в Британии постепенно сместились с вопросов незаконного финансирования избирательных кампаний на обсуждение попыток влияния на британский политический процесс через социальные сети и кибератаки.

Несмотря на то, что правящая партия решительно отрицала любые обвинения в связях с пророссийскими донорами, манифест Консервативной партии 2019 г. содержал установку «предотвратить любое вмешательство в наши выборы»¹¹. С одной стороны, партия подчеркивала приверженность обеспечению прозрачности избирательного процесса, с другой – признавала уязвимость системы перед внешними воздействиями и подтверждала свои более ранние оценки России как угрозы. Дополнительным фактором, усиливающим антироссийский дискурс, стала агрессивная позиция части британского истеблишмента, категорически отвергавшей любые нейтральные или положительные высказывания в адрес Москвы. Негативное восприятие России в общественном сознании усилилось в 2018 г. после инцидента с отравлением Скрипалей в Солсбери.

С 2014 г. Великобритания согласовывала и активно лоббировала санкционную политику ЕС в отношении России, а с 2020 г., уже в рамках самостоятельного санкционного режима, ввела дополнительные меры. Эти ограничения преподносились как «ответ на нарушения прав человека в России, коррупцию, кибератаки и атаки с применением химического оружия». Всего по состоянию на сентябрь 2024 г. под британские санкции попали 1707 российских граждан и 334 предприятия¹².

Летом 2020 г. Комитет по разведке и безопасности опубликовал доклад «Россия», в котором Великобритания признана «ключевой целью российского вмешательства, исходя из ведущей роли Лондона на Западе». Попытки российского влияния на британские демократические процессы названы в докладе «новой нормальностью» с отсылкой к неудачным попыткам повлиять на референдум о независимости Шотландии в 2014 г. и референдум

¹¹ *Conservative Party* (2019) *Get Brexit Done: Unleash Britain's Potential*. Available at: https://assets-global.website-files.com/5da42e2cae7ebd3f8bde353c/5dda924905da587992a064ba_Conservative%202019%20Manifesto.pdf (accessed 16 July 2024).

¹² *UK Parliament* (2024) *Sanctions since 2014*. Available at: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-9481/> (accessed 25 September 2024).

о членстве Британии в ЕС в 2016 г.¹³ В докладе британские депутаты также раскритиковали фрагментарность действующего законодательства и недостаточную проработанность институциональной базы, ограничивающие возможности правоохранительных органов противодействовать иностранному влиянию.

Жесткая внешнеполитическая линия Лондона в отношении Москвы получила доктринальное закрепление в Комплексном обзоре стратегии национальной безопасности, опубликованном в марте 2021 г. В этом документе Россия была охарактеризована как «самая острая угроза национальной и евроатлантической безопасности». Согласно докладу Национального центра кибербезопасности (англ. *National Cyber Security Centre*) за 2023 г., Россия «почти наверняка осуществляла попытки вмешиваться в выборы 2019 г.». Более того, Россия была признана «острой и хронической киберугрозой»¹⁴. Весной 2024 г. ряд британских депутатов призвал *M15* усилить меры безопасности в связи с высокой вероятностью вмешательства, в первую очередь со стороны России, в очередные парламентские выборы, состоявшиеся 4 июля того же года¹⁵.

Дискурс о России как угрозе окончательно закрепился во внутренней политике Великобритании, отражая не только общий тренд восприятия Москвы как опасного и иррационального игрока, бросающего вызов «либеральной демократии», но и превращение этого образа в важный фактор внутренней политики. Утвердившиеся нарративы о злонамеренной активности лиц, связанных с российскими властями, способствовали формированию межпартийной культуры стратегического планирования. Ведущие политические силы Британии демонстрируют готовность как противостоять Москве на международной арене, так и минимизировать российское политическое влияние внутри страны (Годованюк, 2024). При этом дискурс об уязвимости британских демократических институтов выявляет два ключевых аспекта. С одной стороны, он стал признанием слабости и ограниченной способности властей контролировать безопасность внутривнутриполитических процессов. С другой – это проявление системного кризиса. Схожие последствия для британского политического процесса имеет нарратив о «китайской угрозе», однако внутренние дискуссии развиваются иначе.

¹³ *Intelligence and Security Committee of Parliament* (2021) Russia. Available at: https://isc.independent.gov.uk/wp-content/uploads/2021/03/CCS207_CCS0221966010-001_Russia-Report-v02-Web_Accessible.pdf (accessed 16 July 2024).

¹⁴ *National Cyber Security Centre* (2023) Annual Review 2023: Making the UK the safest place to live and work online. Available at: https://www.ncsc.gov.uk/files/Annual_Review_2023.pdf (accessed 16 July 2024).

¹⁵ *Evening Standard* (2024) General Election 2024: China and Russia may try to interfere in UK poll – new alert calls for MI5 action. Available at: <https://www.standard.co.uk/news/politics/general-election-britain-china-russia-interfere-mi5-police-mps-parliament-protect-b1159949.html> (accessed 25 July 2024).

Китай: дискурс о многоступенчатом влиянии

С 2019 г. под влиянием комплекса факторов, в том числе глобальной конкуренции США и КНР, британо-китайские отношения начали стремительно ухудшаться. Одним из знаковых шагов стало решение Лондона о постепенном отказе от использования оборудования компании Huawei в критически важной инфраструктуре, включая сети 5G, с полным завершением этого процесса к 2027 г. В 2021 г. Британия ввела санкции в отношении китайских официальных лиц за нарушения прав уйгуров. Одновременно внимание академического сообщества, части политического истеблишмента и спецслужб Соединенного Королевства все чаще привлекала общественно-политическая активность выходцев из КНР и организаций гражданского общества, связанных как с официальным Пекином, так и с оппозицией, в частности, политическими организациями Гонконга. Распространенное мнение заключалось в том, что Лондон стал важной мишенью для влияния Пекина. Указывалось, что Китай стремится воздействовать на правительственные структуры, британские университеты, средства массовой информации, исследовательские организации, а в конечном счете и на процесс принятия решений в Соединенном Королевстве¹⁶.

Распространение получила точка зрения, что увеличение численности китайской диаспоры в Британии может усилить не только культурное, но и политическое влияние КНР¹⁷. По данным переписи населения 2021 г., в стране проживает чуть более 400 тысяч выходцев из Китая, что составляет около 0,7% населения. Китайская диаспора занимает третье место среди этнических сообществ Великобритании¹⁸. При этом сама диаспора не монолитна и включает представителей различных этнических групп, в том числе выходцев из бывших колоний: например, Гонконга, Малайзии и Сингапура. При этом к 2021 г. эмигранты из КНР в первом поколении составляли сравнительно малочисленную группу – чуть более 120 тыс. человек.

Британские китайцы традиционно относились к сообществу «белых воротничков» – банковских служащих, бизнесменов, юристов, – которые оставались на периферии политической жизни. Первым пожизненным пэром китайского происхождения (родился в Сингапуре) стал лорд Чан в 2001 г.,

¹⁶ Gaston S. & Mitter R. (2020) After the Golden Age: Resetting UK-China Engagement. *British Foreign Policy Group*. Available at: <https://bfpgr.co.uk/wp-content/uploads/2020/07/BFPG-Report-July-2020-FINAL-4.pdf> (accessed 20 June 2024).

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Устойчиво увеличивается численность китайских эмигрантов в первом поколении, в том числе уйгуров, а также жителей Гонконга (CAP), рожденных после 1997 г. См. подробнее: *UK Government* (n.d.) Chinese ethnic group: Facts and figures. Available at: <https://www.ethnicity-facts-figures.service.gov.uk/summaries/chinese-ethnic-group> (accessed 20 June 2024).

¹⁹ Statista (2024) Number of Chinese nationals resident in the United Kingdom from 2008 to 2021. Available at: <https://www.statista.com/statistics/1241671/chinese-population-in-united-kingdom/> (accessed 20 June 2024).

который оставался членом Палаты лордов до своей смерти в 2006 г.²⁰ С 2010 г. пожизненным пэром стал лорд Вэй (родился в Гонконге)²¹. С 2015 г. в Палате общин от Консервативной партии заседает депутат китайского происхождения А. Мак²². По результатам всеобщих выборов 2024 г. депутатский мандат получила также член Лейбористской партии Ю. Янг. На сегодняшний день она остается единственным депутатом, родившимся в Китае²³.

На фоне объявленной в 2015 г. Д. Кэмероном и Си Цзиньпином «золотой эры» британо-китайских отношений в Соединенном Королевстве «британские университеты считались лучшими партнерами Китая на Западе»²⁴. По мере ухудшения двустороннего диалога эксперты все чаще предупреждали о негативном воздействии Пекина на систему высшего образования Британии. В частности, речь шла о том, что китайское финансирование (плата за обучение²⁵, гранты и пожертвования) создает «стратегическую зависимость» и угрожает национальной безопасности Великобритании²⁶. Второй аспект этой проблемы связывали с уязвимостью «кампусов британских вузов» перед китайским влиянием. Британские эксперты отмечали тесные контакты китайских студентов с дипломатическими кругами Пекина в Лондоне. Например, во время пандемии посольство КНР передавало помощь китайским студентам с маркировкой «Родина всегда на вашей стороне» (Han & Tong, 2021).

Кроме того, предметом критики стало сотрудничество между британскими и китайскими научными учреждениями, «подконтрольными Коммунистической партии Китая (КПК)»²⁷. По данным *Civitas*, правоцентристского британского аналитического центра, минимум 15 британских университетов вели «продуктивные» исследования с китайскими военными производителями и вузами. Связь между британскими университетами и китайскими государственными

²⁰ *UK Parliament* (n.d.) Lord Chan. Available at: <https://members.parliament.uk/member/2164/career> (accessed 20 November 2024).

²¹ *UK Parliament* (n.d.) Lord Wei. Available at: <https://members.parliament.uk/member/4145/contact> (accessed 20 November 2024).

²² *UK Parliament* (n.d.) Alan Mak. Available at: <https://members.parliament.uk/member/4484/contact> (accessed 20 November 2024).

²³ *UK Parliament* (n.d.) Yuan Yang. Available at: <https://members.parliament.uk/member/5267/contact> (accessed 20 November 2024).

²⁴ *Imperial News* (2015) UK universities are China's best academic partners, says Imperial president Available at: <https://www.imperial.ac.uk/news/168496/uk-universities-chinas-best-academic-partners/> (accessed 20 November 2024).

²⁵ Среди выходцев из Китая велика доля молодежи: по разным оценкам в вузах Британии обучается от 100 до 140 тыс. китайских студентов, что составляет треть всех иностранных студентов из стран, не входящих в ЕС. Китайские студенты платят за обучение до 2,5 млрд ф.ст. – треть от всех суммарных поступлений от иностранных студентов (7 млрд ф.ст.). См.: *The Policy Institute* (2021) *The China question*. Available at: <https://www.kcl.ac.uk/policy-institute/assets/china-question.pdf> (accessed 20 June 2024).

²⁶ *The Policy Institute* (2021) *The China question*. Available at: <https://www.kcl.ac.uk/policy-institute/assets/china-question.pdf> P. 5 (accessed 20 November 2024).

²⁷ *Henry Jackson Society* (2024) *The Strategic Dependence of UK Universities on China – and Where Should They Turn Next?* Available at: <https://henryjacksonsociety.org/event/the-strategic-dependence-of-uk-universities-on-china-and-where-should-they-turn-next/> (accessed 30 June 2024).

органами вызвала критику все более растущего крыла синофобов как в Консервативной, так и в Лейбористской партиях²⁸.

В 2019 г. в докладе Комитета по международным делам Палаты общин отмечено, что «МИД Великобритании должен максимально защитить кампусы университетов от влияния иностранных государств, в том числе Китая и России»²⁹. К 2021 г. количество студентов из КНР сократилось на 5%³⁰. Это снижение было обусловлено не только последствиями пандемии *COVID-19*, но и политическими причинами, включая охлаждение британо-китайского сотрудничества и ужесточение миграционного законодательства Великобритании.

С 2020 г. антикитайски настроенная часть политического истеблишмента Великобритании призывала власти ограничить влияние Институтов Конфуция, рассматриваемых как инструмент «мягкой силы» КНР. К 2015 г. на территории Великобритании действовало 29 таких институтов³¹. В 2022 г., в ходе кампании по выборам лидера Консервативной партии, Р. Сунак обещал сократить их число. Вопреки этому, к 2023 г. их количество выросло до 30, на что обратила внимание лоббистская группа депутатов под председательством Т. Тугендхата (*China Research Group*)³². Синофобы внутри Консервативной партии явно оказывали давление на премьер-министра, который в 2022 г. был вынужден официально объявить о «завершении «золотой эры» двусторонних отношений». Более того, в Стратегическом обзоре 2023 г. Китай был признан «вызовом, который определяет эпоху»³³. В первой публичной речи, произнесенной в ноябре 2021 г., Р. Мур, глава британской внешней разведки *M16*, заявил, что Китай является «единственным крупнейшим приоритетом» (англ. "*single greatest priority*") ведомства после России, Ирана и угрозы международного терроризма³⁴.

²⁸ *Civitas* (2024) The Strategic Dependence of UK Universities on China – and Where Should They Turn Next? Available at: <https://www.civitas.org.uk/publications/the-strategic-dependence-of-uk-universities-on-china-and-where-should-they-turn-next/> (accessed 30 June 2024).

²⁹ *UK Parliament* (2019) A Cautious Embrace: Defending Democracy in an Age of Autocracies. Available at: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201919/cmselect/cmfaif/109/109.pdf> (accessed 10 July 2024).

³⁰ *The Times* (2024) Demand for a UK university education cools in China, 5 July. Available at: <https://www.thetimes.co.uk/article/demand-for-a-uk-university-education-cools-in-china-6b32m7bdv> (accessed 05 July 2024).

³¹ Первый Институт Конфуция в Британии был открыт в 2004 г. для продвижения китайского языка и культуры. По степени представительства и влияния их часто сравнивают с Британским Советом (организация признана нежелательной на территории РФ). См.: *The Diplomat* (2015) The UK: A success story for China's educational soft power. Available at: <https://thedi diplomat.com/2015/10/the-uk-a-success-story-for-chinas-educational-soft-power/> (accessed 20 June 2024).

³² *China Research Group* (2022) Briefing: Confucius Institutes in the UK. Available at: <https://static1.squarespace.com/static/5f75a6c74b43624d99382ab6/t/62a72ed29c3be12086690f90/1655123672379/Confucius+Institutes+-+China+Research+Group+-+June+2022.pdf> (accessed 20 June 2024).

³³ *HM Government* (2023) Integrated Review Refresh 2023: Responding to a more contested and volatile world, March. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1145586/11857435_NS_IR_Refresh_2023_Supply_AllPages_Revision_7_WEB_PDF.pdf (accessed 25 September 2024).

³⁴ *Eurasian Times* (2024) Wary of Chinese tech prowess, British M16 says China bigger threat to UK than Russia, Iran & global terrorism. Available at: <https://eurasian-times.com/british-m16-says-china-bigger-threat-to-uk-than-russia-iran-global-terrorism/> (accessed 20 June 2024).

Негативное воздействие КНР в академических и общественно-политических кругах Соединенного Королевства связывали и с другими инструментами «мягкой силы», например, СМИ. На фоне попыток властей сократить влияние КНР британский регулятор отозвал лицензию у *China Global Television Network*³⁵. В ответ Пекин в феврале 2021 г. запретил вещание *BBC World TV News* в Китае³⁶.

В докладе «Китай», опубликованном в 2023 г. парламентским Комитетом по разведке и безопасности, отмечалось, что Пекин «многократно и агрессивно нацеливается» на Великобританию³⁷. Еще в 2022 г. *M15* обнародовал специальное «предупреждение о безопасности»: предполагаемая китайская шпионка Кристин Ли занималась «политическим вмешательством» в интересах правящего коммунистического режима Китая с целью «создать благоприятный политический ландшафт в Британии». В частности, речь шла о финансировании на сумму свыше 500 тыс. фунтов стерлингов бывшего председателя межпартийной парламентской группы по Китаю, Б. Гардинера, члена Палаты общин от Лейбористской партии³⁸.

В сентябре 2023 г. широкий резонанс получила информация об аресте аналитика-исследователя Палаты общин по подозрению в шпионаже в пользу Китая. Подозреваемый в разное время сотрудничал с министром безопасности Т. Тугендхатом и председателем Комитета по иностранным делам А. Кернс от Консервативной партии³⁹. Оба политика относятся к крылу «ястребов», лоббирующих ужесточение политики в отношении Китая, включая снижение экономической и технологической зависимости.

На внутриполитическом уровне нарратив о злонамеренных действиях Пекина постепенно эволюционировал от предостережений о кибершпионаже относительно промышленной инфраструктуры и опасности стратегической зависимости. Природа «злонамеренного» поведения Китая, по мнению Лондона, исходит из стратегической установки КПК воздействовать на политический курс стран-оппонентов⁴⁰. Основная цель этого воздействия – влияние на ключевых лиц, принимающих решения, для продвижения политических процессов, благоприятных для Пекина.

³⁵ *Ofcom* (2021) *Ofcom revokes CGTN's licence to broadcast in the UK*. 4 February. Available at: <https://www.ofcom.org.uk/tv-radio-and-on-demand/broadcast-standards/ofcom-revokes-cgtn-licence-to-broadcast-in-uk/> (accessed 23 November 2024).

³⁶ *The Guardian* (2023) *China bans BBC World News in retaliation for UK licence blow*. 11 February. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2021/feb/11/china-bans-bbc-world-news> (accessed 23 November 2024).

³⁷ *Intelligence and Security Committee of Parliament* (2023) *China*. Available at: <https://isc.independent.gov.uk/wp-content/uploads/2023/07/ISC-China.pdf> (accessed 20 June 2024).

³⁸ *The Guardian* (2022) *Profile: Christine Lee, the woman at centre of MI5 security warning*, 13 January. Available at: <https://www.theguardian.com/politics/2022/jan/13/profile-christine-lee-the-woman-at-centre-of-mi5-security-warning> (accessed 28 June 2024).

³⁹ *Politico* (2024) *Shock and recriminations as Chinese spy scandal rocks UK parliament*. Available at: <https://www.politico.eu/article/shock-and-recriminations-as-chinese-spy-scandal-rocks-uk-parliament/> (accessed 16 June 2024).

⁴⁰ *Intelligence and Security Committee of Parliament* (2023) *China*. Available at: <https://isc.independent.gov.uk/wp-content/uploads/2023/07/ISC-China.pdf> (accessed 20 June 2024).

С одной стороны, под влиянием усиливающейся синофобии правительство адаптировало внешнеполитическую линию, официально заявив об отказе от «золотой эры» британо-китайских отношений. С другой стороны, ослабление позиций прокитайски настроенной части политического истеблишмента и общества ограничило возможности для маневра у лиц, принимающих решения. Вместе с тем ни тори, ни пришедшие к власти лейбористы до сих пор не сформулировали исчерпывающую стратегию в отношении Китая.

Механизмы защиты от иностранных угроз: последствия для внутренней и внешней политики

Если в части внешнеполитического курса дискурс об угрозах стал одним из стимулов к ужесточению линии в отношении России и Китая, на внутривнутриполитическом уровне фокус сместился к противодействию «угрозам со стороны государственных акторов» (Scott, 2023). В июле 2021 г. глава *M15* К. Маккаллум назвал модернизацию законодательства по противодействию государственным угрозам важным шагом для повышения устойчивости Великобритании перед вызовами, исходящими от России, Китая и Ирана⁴¹. Подтверждая этот тезис, министр обороны Великобритании Г. Шаппс (2023–2024 гг.) подчеркивал, что угроза со стороны враждебных государств превышает уровень времен холодной войны⁴².

Консервативный Кабинет Б. Джонсона еще в Комплексном обзоре стратегии национальной безопасности (март 2021 г.) подчеркнул, что защита демократии является «первой обязанностью любого правительства»⁴³. В обновленной редакции документа (март 2023 г.) были обещаны «новые шаги по защите демократии и экономики внутри страны»⁴⁴.

Кабинет Р. Сунака признал «устойчивость демократии» наиболее «уязвимой сферой». Такой дискурс был обусловлен рядом факторов. Во-первых, правящий консервативный Кабинет не мог игнорировать сообщения о попытках вмешательства в электоральные процессы, широко распространившиеся именно в 14-летний период правления тори. В этих условиях активные меры по защите демократических институтов стали частью электоральной стратегии консерваторов. Во-вторых, признание угроз и рисков вмешательства становилось дополнительным механизмом внутривнутриполитической борьбы, в том числе накануне выборов 2024 г.

⁴¹ *M15* (2021) Director General Ken McCallum gives annual threat update. Available at: <https://www.mi5.gov.uk/news/director-general-ken-mccallum-gives-annual-threat-update-2021> (accessed 16 August 2024).

⁴² *HM Government* (2024) Defending Britain from a more dangerous world. Available at: <https://www.gov.uk/government/speeches/defending-britain-from-a-more-dangerous-world> (accessed 16 August 2024).

⁴³ *HM Government* (2021) Global Britain in a competitive age: The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/60644e4bd3bf7f0c91eababd/Global_Britain_in_a_Competitive_Age_the_Integrated_Review_of_Security_Defence_Development_and_Foreign_Policy.pdf (accessed 25 September 2024).

⁴⁴ *HM Government* (2023) Integrated Review Refresh 2023: Responding to a more contested and volatile world, March. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1145586/11857435_NS_IR_Refresh_2023_Supply_AllPages_Revision_7_WEB_PDF.pdf (accessed 25 September 2024).

Консервативное правительство внесло ряд институциональных и правовых изменений с тем, чтобы купировать предполагаемые угрозы. Так, в ноябре 2022 г. под эгидой Совета национальной безопасности Великобритании была сформирована Целевая группа по защите демократии (далее – Целевая группа) (англ. *Defending Democracy Taskforce*) под председательством министра по вопросам безопасности. Ее первым председателем стал Т. Тугендхат, с 2024 г. должность занял лейборист Д. Джарвис. К задачам Целевой группы относится защита демократической целостности, борьба с иностранным вмешательством, защита должностных лиц «на всех уровнях» от физических, кибер- и иных угроз, противодействие дезинформации, направленной на «подрыв общенационального диалога и искажение демократических процессов»⁴⁵. Ключевой целью новой структуры стало обеспечение устойчивости избирательных процессов и критически важной инфраструктуры. В 2024 г. Объединенный комитет по национальной стратегии безопасности (англ. *Joint Committee on National Security Strategy, JCNSS*) начал промежуточную оценку результативности Целевой группы в рамках специального расследования «Защита демократии»⁴⁶. Однако результаты этой оценки до настоящего времени не были обнародованы.

Еще одним нововведением консервативного Кабинета стал закон «О национальной безопасности»⁴⁷ (2023 г.), направленный на защиту Великобритании от «угроз национальной безопасности, шпионажа, саботажа и лиц, действующих в интересах иностранных государств». Закон впервые обозначил, что объектами враждебной деятельности иностранных государств являются «демократия, экономика и ценности». Кроме того, был введен новый тип правонарушения – иностранное вмешательство. Еще одним важным нововведением стала процедура обязательной «регистрации иностранного влияния» на портале МВД. Данное требование распространяется на общественные организации и частных лиц, осуществляющих политическую деятельность по поручению иностранных государств⁴⁸. Ожидалось, что новые

⁴⁵ *HM Government* (2022) Ministerial Taskforce meets to tackle state threats to UK democracy. Available at: <https://www.gov.uk/government/news/ministerial-taskforce-meets-to-tackle-state-threats-to-uk-democracy> (accessed 20 November 2024)

⁴⁶ *UK Parliament* (2024) JCNSS launches inquiry on Defending Democracy with UK election expected this year. 1 February. Available at: <https://committees.parliament.uk/committee/111/national-security-strategy-joint-committee/news/199739/jcnss-launches-inquiry-on-defending-democracy-with-uk-election-expected-this-year/> (accessed 20 November 2024)

⁴⁷ *HM Government* (2024) Foreign Interference and National Security Bill Factsheet. Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/national-security-bill-factsheets/foreign-interference-national-security-bill-factsheet> (accessed 29 July 2024).

⁴⁸ Так, под политическим влиянием в законе, среди прочего, понимается коммуникация с высокопоставленными лицами, принимающими решения, например членами Кабинета или первыми министрами региональных администраций (Шотландии, Уэльса или Северной Ирландии), кандидатами на выборах, депутатами парламента и старшими государственными служащими Великобритании и пр.

правила вступят в силу в течение 2024 г., однако, по данным СМИ, лейбористское правительство решило отложить данное решение до тех пор, пока не «завершит аудит отношений с Китаем»⁴⁹.

Примечательно, что еще в декабре 2023 г. появились сведения о попытках российских хакеров взломать серверы Избирательной Комиссии Великобритании⁵⁰. Заместитель премьер-министра О. Доуден заявил о пяти скоординированных информационных кампаниях в социальной сети *Facebook*⁵¹, направленных на продвижение «прокремлевского нарратива» и поддержку партии «Реформировать Соединенное Королевство» под руководством Н. Фараджа⁵².

В марте 2024 г. Национальный центр кибербезопасности Великобритании обвинил Китай во взломе серверов Избирательной Комиссии и утечке персональных данных британских избирателей. Кроме того, сообщалось о попытках доступа к электронной переписке антикитайски настроенных британских парламентариев, а также о наблюдении за британскими политиками, организованном в том числе хакерской группировкой *APT3*, аффилированной с КНР. В ответ оппозиция заявила, что в случае победы на выборах намерена проводить последовательную и жесткую линию в отношении Китая⁵³.

Действующий лейбористский Кабинет получил в наследство от тори политические практики, которые существенно изменили внутриполитический процесс и подходы к принятию решений в сфере внешней политики на фоне дискурса о вмешательствах. Вместе с тем лейбористов не ассоциируют с непопулярными мерами, которые могли бы быть интерпретированы как продиктованные внешним влиянием России или Китая. Это обеспечивает им свободу маневра, позволяющую преодолевать внутренние алармистские установки относительно дискуссий о злонамеренном иностранном влиянии.

С другой стороны, дискурс о вмешательствах становится полезным рычагом воздействия на электорат, позволяя объяснять внутренние кризисы. Например, в августе 2024 г., на фоне беспорядков в Великобритании, в экспертных и политических кругах продолжились дискуссии о необходимости более глубокого понимания кампаний по дезинформации со стороны иностранных игроков, в том числе России. Так, отмечалось, что Москва, в силу

⁴⁹ *Politico* (2024) UK delays foreign lobbying clampdown as it works out China policy. Available at: <https://www.politico.eu/article/united-kingdom-china-foreign-influence-registration-scheme-delay/> (accessed 24 November 2024).

⁵⁰ *HM Government* (2024) UK exposes attempted Russian cyber interference in politics and democratic processes. Available at: <https://www.gov.uk/government/news/uk-exposes-attempted-russian-cyber-interference-in-politics-and-democratic-processes> (accessed 03 August 2024).

⁵¹ *Facebook* – проект *Meta Platforms Inc.*, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

⁵² *Evening Standard* (2024) Claims of Russian interference in general election 'gravely concerning,' says Oliver Dowden. Available at: <https://www.standard.co.uk/news/politics/oliver-dowden-russia-interference-general-election-2024-kremlin-reform-uk-b1167685.html> (accessed 01 July 2024).

⁵³ *The Guardian* (2024) Labour tells China it will act on interference in UK democracy, 25 March. Available at: <https://www.theguardian.com/politics/2024/mar/25/labour-tells-china-it-will-act-on-interference-in-uk-democracy> (accessed 29 July 2024).

«экзистенциальной борьбы с Западом», продолжает использовать «информационно-психологические операции» для дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в стране⁵⁴. В сентябре 2024 г. министр иностранных дел Д. Лэмми на конференции Лейбористской партии подчеркнул намерение правительства «покончить с российской ложью», усилив меры по борьбе с дезинформацией и обеспечению кибербезопасности⁵⁵.

Примечательно также компромиссное заявление нового Кабинета в отношении китайских Институтов Конфуция: их деятельность на территории Соединенного Королевства не запретили, несмотря на требования «ястребов». Вместе с тем было решено прекратить финансирование 30 таких институтов со стороны британского правительства⁵⁶.

Заключение

Усиление межгосударственной конкуренции и трансформация системы международных отношений изменили внутривнутриполитические нарративы о безопасности в Соединенном Королевстве. Разделение международных игроков на демократические и автократические режимы приобрело новую интерпретацию, выразившуюся в утверждении о злонамеренном влиянии последних на внутренние процессы Великобритании. Кроме того, в период нахождения у власти консерваторов дискурс об уязвимости политических процессов во многом формировался на фоне спекуляций об иностранном влиянии на итоги референдума о членстве Великобритании в ЕС. Эти обсуждения негативно сказались на уровне доверия к правящей партии, став дополнительным фактором политической нестабильности.

Двухуровневое влияние тезиса об иностранных вмешательствах проявилось в новых политических и правовых практиках внутри Соединенного Королевства и усилило зависимость внешнеполитического курса от внутренних нарративов, делая его все менее гибким. Тезис о России как угрозе, закрепившийся в британской стратегической культуре в силу комплекса факторов, на внутривнутриполитическом уровне связывается с дестабилизирующей деятельностью Москвы, кампаниями по дезинформации и злонамеренным влиянием на электоральные процессы. Это объясняется представлением о стремлении Кремля навредить «либеральным демократиям» в условиях противостояния с коллективным Западом. Таким образом, жесткая антироссийская линия получила дополнительные стимулы во внутривнутриполитической повестке.

⁵⁴ *RUSI* (2024) How did foreign actors exploit the recent riots in the UK? Available at: <https://rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/how-did-foreign-actors-exploit-recent-riots-uk> (accessed 31 August 2024).

⁵⁵ *Labour Party* (2024) David Lammy speech at Labour Party Conference 2024. Available at: <https://labour.org.uk/updates/press-releases/david-lammy-speech-at-labour-party-conference-2024/> (accessed 25 September 2024).

⁵⁶ *The Telegraph* (2024) Funding cut for 'Trojan horse' Chinese institutes at UK universities, 21 September. Available at: <https://www.telegraph.co.uk/news/2024/09/21/funding-cut-trojan-horse-chinese-institutes-uk-universities/> (accessed 25 September 2024).

Одновременно с этим попытки создать механизмы защиты от «китайской угрозы» и купировать промышленный шпионаж актуализировали задачу обезопасить «британские общественно-политические институты от влияния КНР, агентов КПК» и ее попыток воздействовать на лиц, принимающих решения. Такие установки способствовали ужесточению политики консервативного правительства в отношении Китая, которая с незначительными корректировками будет продолжена новым лейбористским Кабинетом.

Обновленное законодательство в части противодействия иностранному вмешательству в большей степени будет воздействовать на внутривнутриполитический процесс. Правовые лакуны в законах создают условия для усиления внутривнутриполитической борьбы и деятельности лоббистских групп внутри политического истеблишмента в контексте выработки внешнеполитического курса страны. Вместе с тем для лейбористского Кабинета они будут служить удобными рычагами влияния на общественное мнение в условиях продолжающегося социально-экономического кризиса.

Список литературы

1. Алешин А.А. (2023) Роль Британии в формировании антироссийской политики Запада. *Современная Европа* 5: 44–56. DOI: 10.31857/S0201708323050042.
2. *Британия после брекзита. Монография.* (2021) Отв. ред. К.А. Годованюк. М.: Ин-т Европы РАН. DOI: 10.15211/report82021_386.
3. Годованюк К.А. (2022) Головоломка российско-британских отношений: системные противоречия и национальные интересы. *Современная Европа* 7: 185–197. DOI: 10.31857/S0201708322070154.
4. Годованюк К.А. (2024) Внешнеполитический консенсус на фоне предвыборной гонки в Британии. *Аналитические записки Института Европы РАН* 15: 56–62. DOI: 10.15211/analytics21520245662.
5. Истомин И.А. (2023) Иностранное вмешательство во внутренние дела: проблематизация сущностно неопределимого концепта. *Полис. Политические исследования* 2: 120–137. DOI: 10.17976/jpps/2023.02.09.
6. Сучков М.А. (2024) Иностранное вмешательство как форма межгосударственного противоборства: типы и мотивы. *Полис. Политические исследования* 3: 8–23. DOI: 10.17976/jpps/2024.03.02.
7. Baldini G. (2015) Is Britain Facing a Crisis of Democracy? *The Political Quarterly* 86(4): 540–549. DOI: 10.1111/1467–923X.12185.
8. Fridman O. (2024) Defining Foreign Influence and Interference. *INSS Special Publication*. 12 p.
9. Han C., Tong Y. (2021). Students at the nexus between the Chinese diaspora and internationalisation of Higher Education: The role of overseas students in China's strategy of soft power. *British Journal of Educational Studies* 69(5): 579–598. DOI: 10.1080/00071005.2021.1935 446.
10. Manning B. (1977) The Congress, The Executive, and Intermestic Affairs. *Foreign Affairs* 57(2): 306–324.
11. Matlosa K. (2023) Global Trends and impact of democratic recession: Hard choices for the Global South. *South African Journal of International Affairs* 30(3): 337–355. DOI: 10.1080/10220461.2023.2269149.
12. Putnam R.D. (1988) Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games. *International Organization* 42(3): 427–460.

13. Rosenau J. (1969) Toward the Study of National-International Linkage. In Rosenau J. (ed.) *Linkage Politics: Essays on the Convergence of National and International Systems*. New York: Free Press.
14. Scott P.F. (2023) 'State threats', Security, and Democracy: The National Security Act 2023. *Legal Studies* 44(2): 1–17. DOI:10.1017/lst.2023.39.

Comparative Politics. Volume 15. No. 4. October–December / 2024
DOI 10.46272/2221-3279-2024-4-15-9

DEFENSE AGAINST FOREIGN INTERFERENCE: THE TWO-TIER LOGIC OF UK FOREIGN POLICY SHAPING

Dr. Kira A. GODOVANYUK – Leading Research Fellow, Centre for British Studies, Department of Countries Studies, Institute of Europe Russian Academy of Sciences.

ORCID: 0000-0002-5205-0021. E-mail: kira.godovanyuk@gmail.com

11/3 Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009.

Received September 2, 2024

Accepted September 26, 2024

Acknowledgments. This article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development No. 075-15-2024-551 "Global and regional centers of power in the emerging world order".

Abstract: The article explores the specific features of the UK strategic approach to policy towards Russia and China through the British establishment's perception of threats to national security. Based on the Interstitial Realism theoretical model, the author analyses how the broad domestic political discourse influences strategic tasks being formulated in foreign policy and vice versa. The demand for the protection of the democratic process as widely seen now to be threatened by authoritarian regimes, as well as the emphasis on the counteraction against some state actors, have brought about the emergence of new narratives in the UK. These trends affect decision-makers in the field of foreign policy, and retain the potential to influence strategic culture regardless of which party the Cabinet belongs to. In terms of the UK-Russia and UK-China relations, two trends are emerging, related to the discourse on malicious interference and attempts at foreign influence not only on electoral and democratic processes, but also on public opinion, and, consequently, on the mainstream domestic political discourse. New law enforcement practices formulated in response to these challenges, on the one hand, provide some leeway in UK policy planning, and on the other hand, confine the policy only to a threat-centered discourse, creating long-term hard line towards Moscow and an increasingly less flexible approach towards Beijing.

Keywords: UK, foreign policy, defense of democracy, authoritarian regime, malign influence, interference, national security, Russia, China, Hongkong, cyberattacks

References:

1. Aleshin A.A. (2023) Rol' Britanii v formirovanii antirossijskoj politiki Zapada [The UK's Role in Shaping the Anti-Russian Policy of the West]. *Sovremennaya Evropa [Contemporary Europe]* 5: 44–56. DOI: 10.31857/S0201708323050042. (In Russian).
2. Baldini G. (2015) Is Britain Facing a Crisis of Democracy? *The Political Quarterly* 86(4): 540–549. DOI: 10.1111/1467-923X.12185.
3. Fridman O. (2024) Defining Foreign Influence and Interference. *INSS Special Publication*. 12 p.
4. Godovanyuk K.A. (2022) Golovolomka rossijsko-britanskikh otnoshenij: sistemnye protivorechiya i nacional'nye interesy [The Riddle of Russia-UK Relations: Systemic Contradictions and National Interests]. *Sovremennaya Evropa [Contemporary Europe]* 7: 185–197. DOI: 10.31857/S0201708322070154. (In Russian).
5. Godovanyuk K.A. (2024) Vneshnepoliticheskij konsensus na fone predvybornoj gonki v Britanii [Foreign Policy Consensus against the Backdrop of the UK Election Campaign]. *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN [Analytical papers of IE RAS]* 15: 56–62. DOI: 10.15211/analytics21520245662. (In Russian).
6. Godovanyuk K.A. (ed.) (2021) *Britaniya posle brekzita [The United Kingdom after Brexit]* Moscow: Institute of Europe RAS. DOI: 10.15211/report82021_386. (In Russian).
7. Han C., Tong Y. (2021). Students at the nexus between the Chinese diaspora and internationalisation of Higher Education: The role of overseas students in China's strategy of soft power. *British Journal of Educational Studies* 69(5): 579–598. DOI: 10.1080/00071005.2021.1935 446.
8. Istomin I.A. (2023) Inostrannoe vmeshatel'stvo vo vnutrennie dela: problematizaciya sushchnostno neopredelimogo koncepta [Foreign Interference in Internal Affairs: Deconstruction of an Essentially Indeterminate Concept]. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]* 2: 120–137. DOI: 10.17976/jpps/2023.02.09. (In Russian).
9. Manning B. (1977) The Congress, The Executive, and Intermestic Affairs. *Foreign Affairs* 57(2): 306–324.
10. Matlosa K. (2023) Global Trends and impact of democratic recession: Hard choices for the Global South. *South African Journal of International Affairs* 30(3): 337–355. DOI: 10.1080/10220461.2023.2269149.
11. Putnam R.D. (1988) Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games. *International Organization* 42(3): 427–460.
12. Rosenau J. (1969) Toward the Study of National-International Linkage. In Rosenau J. (ed.) *Linkage Politics: Essays on the Convergence of National and International Systems*. New York: Free Press.
13. Scott P.F. (2023) 'State threats', Security, and Democracy: The National Security Act 2023. *Legal Studies* 44(2): 1–17. DOI:10.1017/lst.2023.39.
14. Suchkov M.A. (2024) Inostrannoe vmeshatel'stvo kak forma mezhdgosudarstvennogo protivoborstva: tipy i motivy [Foreign Interference as a Form of Interstate Competition: Types and Motives]. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]* 3: 8–23. DOI: 10.17976/jpps/2024.03.02. (In Russian).